

Н.Г. Петрова

Новосибирский государственный педагогический университет

**О типах регулятивных структур
в поэтическом дискурсе акмеистов**

Аннотация: В статье на материале сборников стихов «Чужое небо» (1912) Н.С. Гумилева, «Вечер» (1912) А.А. Ахматовой и «Камень» (1913) О.Э. Мандельштама рассматриваются различные типы лексических регулятивных структур, основанных на стилистическом приеме синтаксического параллелизма. Отмечаются общие тенденции и идиостилевые особенности в их использовании поэтами-акмеистами.

On the basis of the material of the collected poems «Foreign Sky» (1912) by N.S. Gumilyov, «Evening» (1912) by A.A. Akhmatova, and «Stone» (1913) by O.E. Mandelstam, the paper considers different types of lexical regulative structures founded on the stylistic device of syntactical parallelism. Also, she notes general tendencies and idiosyncrastic peculiarities displayed by poets-acmeists in using these structures.

Ключевые слова: поэтический дискурс, акмеизм, лексические регулятивные структуры, основанные на стилистическом приеме синтаксического параллелизма.

Poetic discourse, acmeism, lexical regulative structures based on the stylistic device – syntactical parallelism.

УДК: 811.161.1'38 + 821.161.1.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Виллюйская, 28. НГПУ, кафедра дошкольной педагогики и психологии. Тел. (383) 2440156. E-mail: npetrova@ngs.ru.

Интерес к проблеме понимания текста (в том числе и художественного) не ослабевает на протяжении многих десятилетий. Еще в середине XIX века А.А. Потебня, рассматривая психологию порождения и восприятия слова и образа, писал о том, что понимание уникально и зависит от понимающего: «То, что мы называем пониманием, есть акт особого рода возникновения мысли в нас самих по поводу высказанной другими мысли» (Цит. по: [Кузнецов, 2007]).

И литературоведы, и лингвисты при изучении художественного текста в последние годы исходят из положения, что автор, создавая произведение, ориентируется на читателя (см. об этом, например: [Прозоров, 1978]; [Болотнова, 1992, с. 13] и др.). При этом вопрос о средствах и способах, обеспечивающих понимание, остается до сих пор нерешенным. Ср.: «Независимо от субъективных признаний художника, вероятный читатель – объективно существующая, определяющая творчество сила, это читатель, живущий в авторе (от эпика, драматурга или публициста до сокровеннейшего из лириков). Формы проявления читателя-адресата, способы их обнаружения в самой идейно-художественной структуре – область почти неисследованная» [Прозоров, 2006, с. 108].

С позиций теории регулятивности (о ней см.: [Болотнова, 1992; 1998] и др.) одним из способов организации читательской деятельности на уровне блока высказываний и целого текста являются лексические регулятивные структуры, основанные на стилистическом приеме синтаксического параллелизма как частном случае повтора.

Необходимо отметить, что данные регулятивные структуры представляют собой неоднородное явление. Это объясняется, во-первых, существованием двух типов параллелизма (полного и неполного), а во-вторых, способностью членов параллели (повторяющихся высказываний или их фрагментов), образующих лексическую регулятивную структуру, располагаться в тексте как контактно, так и дистантно. (Подробнее о типах и видах лексических регулятивных структур см.: [Петрова, 1998; 2010].)

В монографии, посвященной исследованию эстетической эволюции раннего русского модернизма с точки зрения дискурсивного анализа, Е.В. Тырышкина называет два основных постулата акмеизма: оплотнение эмоций и фиксацию эмоционального присутствия в культуре, а также восстановление целостности мира в противовес расколотости «земного и небесного» в символизме [Тырышкина, 2002, с. 44]. «В акмеизме, – указывает ученый, – художник создает совершенство в процессе своей творческой ремесленной деятельности, и тем самым упрочивает совершенство целого культуры. Прочность, стабильность, вещность – вместо изменчивости символизма; основные принципы формообразования в акмеизме – это плотность словесного материала, ... стройность, фиксация и конечность формы» [Там же, с. 48]. (Об особенностях словоупотребления и «смысловых сдвигах» в текстах акмеистов см. работу С.Ю. Кристаль [Кристаль, 2003, с. 25–65], в которой представлен не только обзор манифестов акмеизма, статей, рецензий и высказываний поэтов-акмеистов, но и работ, посвященных исследованию творчества акмеистов.)

Как известно, акмеистов, в отличие, например, от символистов, особенно занимала проблема читательского восприятия. Об этом, в частности, свидетельствует предложенная Н.С. Гумилевым типология читателей: «...читатели разделяются на три основных типа: наивный, сноб и экзальтированный. <...> Однако может быть иной читатель, читатель-друг. Этот читатель думает только о том, что ему говорит поэт, становится как бы написавшим данное стихотворение...» [Гумилев, 1991, т. III, с. 22–23]. См. также статью О.Э. Мандельштама «О собеседнике», в которой автор развивает идею диалога с адресатом [Мандельштам, 1990, т. II, с. 145–150].

Кроме того, несомненный интерес представляет высказанное Н.С. Гумилевым в статье «Переводные стихотворения» замечание об особом воздействии, которое оказывают на читателя параллелизм и повторы разных видов: «В стихах часто встречаются параллелизмы, повторения полные, перевернутые, сокращенные, точные указания времени или места, цитаты, вкрапленные в строфу, и прочие приемы особого, гипнотизирующего воздействия на читателя. Их рекомендуется сохранять тщательно, жертвуя для этого менее существенным» [Гумилев, 1991, т. III, с. 30–31].

Все это определило цель данной статьи, которая состоит в рассмотрении типов и видов лексических регулятивных структур, основанных на синтаксическом параллелизме, характерных для поэтических дискурсов ярких представителей акмеизма – Н.С. Гумилева, А.А. Ахматовой и О.Э. Мандельштама.

Материалом для исследования послужили сборники стихов «Чужое небо» (1912) Н.С. Гумилева [Гумилев, 1991, т. I], «Вечер» (1912) А.А. Ахматовой [Ахматова, 1990, т. I] и «Камень» (1913) О.Э. Мандельштама [Мандельштам, 1990, т. I].

Обратимся сначала к рассмотрению *регулятивных структур, основанных на стилистическом приеме синтаксического параллелизма, с контактными расположением членов параллелей.*

Наблюдения показали, что в указанных сборниках стихов регулятивные структуры, основанные на принципе полного параллелизма, с контактными расположением членов параллелей не встретились ни у одного из поэтов-акмеистов. Заметим, что термин «полный параллелизм» условен, поскольку, как справедливо указывал М.М. Бахтин, «В пределах одного и того же высказывания предложение может повториться... но каждый раз это новая часть высказывания, ибо изменилось его место и его функция в целом высказывании» [Бахтин, 1979, с. 287]. Небезынтересно, что в стихотворениях, написанных в этот период, но не вошедших в названные сборники, данные структуры имеются. См., например, стихотворение О.Э. Мандельштама «Твоя веселая нежность...», датированное 1909-м годом:

Твоя веселая нежность
Смутила меня.
К чему печальные речи,
Когда глаза
Горят, как свечи
Среди белого дня?
Среди белого дня...
И та – далече –
Одна слеза,
Воспоминание встречи;
И, плечи клоня,
Приподымает их нежность.

Среди *регулятивных структур, основанных на неполном параллелизме*, выделяются три вида: регулятивная структура, основанная на неполном параллелизме, заключающемся в замене одного из членов; регулятивная структура, организованная по типу неполного параллелизма с усечением, и регулятивная структура, основанная на неполном параллелизме с распространением.

Как показал анализ, для поэтических текстов Н.С. Гумилева и О.Э. Мандельштама типичны регулятивные структуры, основанные на неполном параллелизме, состоящем в замене лексических единиц, коррелирующих с определенным элементом / элементами описываемой ситуации. Ср. строки из стихотворения Н.С. Гумилева «Любовь»:

Как смел он так пахнуть духами!
Так дерзко перстнями играть!
Как смел он засыпать цветами
Мой письменный стол и кровать!

Примечательно, что в стихотворениях одного из представителей символизма – К.Д. Бальмонта в аналогичных регулятивных структурах отмечается замена в контактном расположенных высказываниях одного из членов на синонимичный или на антонимичный (см. об этом: [Петрова, 1998]).

В ряде случаев в текстах поэтов-акмеистов высказывания, образующие регулятивную структуру, основанную на неполном параллелизме, содержат одинаковое количество членов, внутри которых наблюдаются одни и те же отношения, а также соблюдается одинаковый порядок слов. Ср. строки из стихотворения Н.С. Гумилева «Ослепительное»:

*И снова властвует Багдад,
И снова странствует Синдбад...*

Или начальные строки стихотворения О.Э. Мандельштама «Только детские книги читать...»:

*Только детские книги читать,
Только детские думы лелеять,
Всё большое далеко развеять,
Из глубокой печали восстать.*

Как видно, сходство повторяющихся частей регулятивной структуры, основанной на контактном расположении членов параллели, выполняет две функции: усиливает эмоциональную окраску высказывания и служит базой для расширения читательских представлений за счет неповторяющихся частей высказываний.

Лексическая регулятивная структура, организованная по типу неполного параллелизма с усечением, имеет место лишь в поэтическом дискурсе Н.С. Гумилева. Привлекая внимание читателей в силу близости следования повторяющихся высказываний, указанная структура, как правило, сигнализирует о достижении определенной микроцели в рамках общей коммуникативной программы текста. См., например, последние два восьмистишия из стихотворения «Паломник»:

*Он очень стар, Ахмет, а путь суров,
Пронзительны полночные туманы,
Он скоро упадет без сил и слов,
Закутавшись, дрожа, в халат свой рваный,
В одном из тех восточных городов,
Где вечерами шепчутся платаны,
Пока чернобородый муэдзин
Поет стихи про гурию долин.*

*Он упадет, но дух его бессонный
Аллах недаром дивно окрылил,
Его, как мальчик страстный и влюбленный,
В свои объятия примет Азраил
И поведет тропюю, разрешённой
Для демонов, пророков и светил.
Все, что свершить возможно человеку,
Он совершил – и он увидит Мекку.*

Точность и продуманность деталей в первой реализации параллели регулятивной структуры, основанной на неполном параллелизме, создавая динамизм и остроту впечатлений, отражают один из основных принципов поэтики акмеизма, отмеченный Н.Г. Полтавцевой, – «принцип собирательства, концентрации, сосредоточения вокруг субъекта его мира, его личного космоса» (Цит. по: [Кристалль, 2003, с. 46]).

Примечательно, что Н.С. Гумилев помещает члены параллелей лексической регулятивной структуры, основанной на принципе неполного параллелизма, в разные строфы, что способствует их дополнительной актуализации.

Если сравнивать аналогичную регулятивную структуру, употребляемую поэтами-символистами, то она существенно отличается. Ср. пример из стихотворения К.Д. Бальмонта «Я не знаю мудрости» из сборника «Только любовь»:

...Не кляните, мудрые. Что вам до меня?
Я ведь только облачко, полное огня.
Я ведь только облачко. Видите: плыву.
И зову мечтателей... Вас я не зову!

Отличия, как видно, проявляются в «оплотнении» эмоций, свойственном акмеизму как литературному направлению (об этом: [Тырышкина, 2002, с. 44]).

Регулятивная структура, основанная на неполном параллелизме с распространением, создает установку на развертывание новой системы микросмыслов в перспективе текста. См., например, строки из стихотворения К.Д. Бальмонта «Солнце удалилось» из сборника «Будем как солнце»:

Солнце удалилось. Я опять один.
Солнце удалилось от земных долин.
Снежные вершины свет его хранят.
Солнце посылает свой последний взгляд...

В отличие от символистов, в поэтических текстах Н.С. Гумилева, А.А. Ахматовой и О.Э. Мандельштама данная регулятивная структура не представлена.

В стихотворениях Н.С. Гумилева («Тот другой», «Туркестанские генералы» и др.) наблюдается объединение двух видов регулятивных структур: организованной по типу неполного параллелизма с усечением и основанной на неполном параллелизме с распространением.

Так, в стихотворении «Тот другой» данная контаминация приводит к смещению акцентов с характеристики лирического героя («*Я жду, исполненный укоров...*») на характеристику субъекта, которого ждет лирический герой (и, вероятно, сам поэт!):

Я жду, исполненный укоров:
Но не веселую жену
Для задушевных разговоров
О том, что было в старину.

И не любовницу: мне скучен
Прерывный шепот, томный взгляд, –
И к упоеньям я приучен,
И к мукам горше во стократ.

Я жду товарища, от Бога
В веках дарованного мне
За то, что я томился много
По вышине и тишине.

И как преступен он, суровый,
Коль вечность променял на час,
Принявши дерзко за оковы
Мечты, связующие нас.

Рассмотрим далее *лексические регулятивные структуры, основанные на дистантном расположении повторяющихся высказываний (или их фрагментов)*.

Расположенные дистантно, совпадающие (в различной степени) высказывания не только обеспечивают интеграцию текста за счет создания внутритекстовых связей, но

и служат средством «управления» познавательной деятельностью читателя, так как удерживают его внимание на важных, с точки зрения автора, моментах.

Формально лексическая регулятивная структура, основанная на полном параллелизме, имеет место в стихотворении А.А. Ахматовой «Память о солнце в сердце слабеет...»:

*Память о солнце в сердце слабеет,
Желтей трава,
Ветер снежинками ранними веет
Едва-едва.*

В узких каналах уже не струится –
Стынет вода,
Здесь никогда ничего не случится, –
О, никогда!

Ива на небе кустом распластала
Веер сквозной.
Может быть, лучше, что я не стала
Вашей женой.

*Память о солнце в сердце слабеет.
Что это? Тьма?
Может быть! За ночь прийти успеет
Зима.*

Как видно, «полный» параллелизм возникает благодаря анжамбману.

Если в первой реализации параллели фиксируется внимание на ощущениях, возникающих при наступлении поздней осени, то во второй – в большей мере на душевном состоянии лирической героини, пережившей разрыв с любимым или близким человеком. Таким образом, лексическая регулятивная структура, основанная на полном параллелизме, с дистантным расположением параллелей, кроме экспрессивной функции, выполняет еще и сопоставительную: позволяет увидеть общность двух разных состояний не только в эмоциональном плане, но и физическом.

Следует отметить, что среди регулятивных структур с дистантным расположением параллелей для поэтов-акмеистов типичными являются регулятивные структуры, основанные на неполном параллелизме. См., например, стихотворения: «Сад» А.А. Ахматовой, «Ни о чем не нужно говорить...» и «Природа – тот же Рим...» О.Э. Мандельштама.

В стихотворении А.А. Ахматовой «Сад» в дистантно расположенных членах параллели лексической регулятивной структуры, основанной на неполном параллелизме, происходит замена лексической единицы «*бледный*» на «*мёртвый*», тем самым актуализируется не только сема 'лишенный яркости', но и сема 'безжизненный / лишенный признаков деятельности'. Этому также способствует постпозиция лексической единицы «*мертвый*» по отношению к слову «*тусклый*»:

Он весь сверкает и хрустит,
Обледеный сад.
Ушедший от меня грустит,
Но нет пути назад.

*И солнца бледный тусклый лик –
Лишь круглое окно;*

Я тайно знаю, чей двойник
Приник к нему давно.

Здесь мой покой навеки взят
Предчувствием беды,
Сквозь тонкий лед еще сквозят
Вчерашние следы.

*Склонился тусклый мертвый лик
К немому сну полей,
И замирает острый крик
Отсталых журавлей.*

В стихотворении О.Э. Мандельштама «Природа – тот же Рим...» имеет место регулятивная структура, основанная на неполном параллелизме с усечением:

*Природа – тот же Рим и отразилась в нем.
Мы видим образы его гражданской мощи
В прозрачном воздухе, как в цирке голубом,
На форуме полей и в колоннаде роши.*

*Природа – тот же Рим, и, кажется, опять
Нам незачем богов напрасно беспокоить, –
Есть внутренности жертв, чтоб о войне гадать,
Рабы, чтобы молчать, и камни, чтобы строить!*

См. приведенное выше стихотворение А.А. Ахматовой «Память о солнце в сердце слабеет...», в котором также есть регулятивная структура, основанная на неполном параллелизме с усечением:

*Может быть, лучше, что я не стала
Вашей женой.*

Память о солнце в сердце слабеет.
Что это? Тьма?
Может быть! За ночь прийти успеет
Зима.

Поэтические тексты, в которых бы употреблялись лексические регулятивные структуры, основанные на неполном параллелизме с распространением, нам не встретились.

Нередко дистантно расположенные члены параллели образуют регулятивную структуру особого типа – **регулятивную рамку**, служащую для организации познавательной деятельности на уровне блока высказываний или на уровне целого текста.

Выделение названной регулятивной структуры основано на понятиях автосемантии и синсемантии предложений (см. об этом: [Зарубина, 1976, с. 79–80]) с учетом их тематической соотнесенности. Высказывания, образующие регулятивную рамку, являются автосемантическими. Часть текста, ограниченная регулятивной рамкой, представляет собой регулятивное единство, поскольку состоит из ряда синсемантических высказываний, содержащих формально выраженные связи и направленных для достижения определенной коммуникативной задачи в рамках общей коммуникативной программы текста.

В зависимости от совпадения членов параллели регулятивные рамки могут быть конгруэнтными (от лат. *congruens* – совпадающий) и частично конгруэнтными. Конечно же, выделение конгруэнтной рамки в известной мере условно, так как совпадающие буквально высказывания имеют или разный смысл в пределах одного текста, или разную эмоциональную тональность.

Анализ поэтических текстов акмеистов показал, что в указанных сборниках нет стихотворений, имеющих конгруэнтную регулятивную рамку на уровне целого текста. Данный факт не означает, что поэты-акмеисты не использовали эту регулятивную структуру в своих произведениях других лет. См., например, стихотворение Н.С. Гумилева «О тебе» из сборника «Костер» (1918), а также стихотворение О.Э. Мандельштама «Я скажу тебе с последней прямокой...», датированное 2 марта 1931 года и вошедшее в сборник «Новые стихи (1930–1937)».

Практическое отсутствие лексических регулятивных структур, основанных на полном параллелизме как с контактным расположением членов параллели, так и с дистантным, включая конгруэнтную рамку на уровне текста и коммуникативных блоков, с нашей точки зрения, можно объяснить тем, что данные регулятивные структуры направлены в первую очередь на создание эмоциональной тональности произведения, в то время как акмеисты в большей мере стремились отразить сходство разных ситуаций, состояний и т.д.

Наблюдения показали, что частично конгруэнтная рамка с заменой одного из членов встречается в стихотворениях Н.С. Гумилева и А.А. Ахматовой.

Например, в стихотворении Н.С. Гумилева «Ослепительное» в регулятивной рамке на уровне целого текста происходит смещение акцента с интенсивности действия («И буду плакать *долго, долго*») на указание по поводу чего, точнее, о чем / о ком, будет плакать лирический герой Н.С. Гумилева («И буду плакать *о Леванте*»):

*Я тело в кресло уроню,
Я свет руками заслоню
И буду плакать долго, долго,
Припоминая вечера,
Когда не мучило «вчера»
И не томили цепи долга;
.....*

*Когда же... Боже, как чисты
И как мучительны мечты!
Ну что же, раньте сердце, раньте, –
Я тело в кресло уроню,
Я свет руками заслоню
И буду плакать о Леванте.*

Замена повторяющегося наречие образа действия «*долго*» дополнением, называющим адресата, с одной стороны, позволяет поэту более полно описать ситуацию за счет реализации глаголом как частью речи своих синтагматических возможностей, с другой – вносит элемент неожиданности, так как в сильной текстовой позиции конца высказывания оказывается имя собственное. Тем самым создается эффект обманутого ожидания: вместо завершения стихотворения данная лексическая единица стимулирует деятельность читателя, создавая почву для размышлений. Как известно, в широком значении слово «Левант» служит общим названием стран восточной части Средиземного моря (Сирии, Ливана, Египта, Турции, Греции и др.) от франц. *Levant* или итал. *Levante* – Восток, в более же узком смысле оно обозначает только Сирию и Ливан.

В стихотворении А.А. Ахматовой «Музе» частично конгруэнтная рамка на уровне целого текста акцентирует внимание читателя на сложном выборе, который приходится сделать лирической героине между призванием (быть поэтом) и женским счастьем:

*Муза-сестра заглянула в лицо,
Взгляд её ясен и ярок.
И отняла золотое кольцо,
Первый весенний подарок.*

Муза! ты видишь, как счастливы все –
Девушки, женщины, вдовы...
Лучше погибну на колесе,
Только не эти оковы.

Знаю: гадая, и мне обрывать
Нежный цветок маргаритку.
Должен на этой земле испытать
Каждый любовную пытку.

Жгу до зари на окошке свечу
И ни о ком не тоскую,
Но не хочу, не хочу, не хочу
Знать, как целуют другую.

*Завтра мне скажут, смеясь, зеркала:
«Взор твой не ясен, не ярок...»
Тихо отвечу: «Она отняла
Божий подарок».*

Если взгляд Музы-сестры в первой реализации параллели «ясен и ярок», то результат принятого лирической героиней решения, что называется, «налицо»: ее взор «не ясен, не ярок».

Несомненный интерес представляет стихотворение О.Э. Мандельштама «Царское Село», написанное в 1912 году и посвященное Георгию Иванову, в котором имеют место различные виды **регулятивных** рамок на уровне блоков высказываний (конгруэнтная в первых двух строфах и частично конгруэнтные в трех последующих), передающие образ Царского Села тех лет:

*Поедем в Царское Село!
Свободны, ветрены и пьяны,
Там улыбаются уланы,
Вскочив на крепкое седло...
Поедем в Царское Село!*

*Казармы, парки и дворцы,
А на деревьях – клочья ваты,
И грянут «здравия» раскаты
На крик «здорово, молодцы!»
Казармы, парки и дворцы...*

*Одноэтажные дома,
Где однодумы-генералы
Свой коротают век усталый,*

Читая «Ниву» и Дюма...
Особняки – а не дома!

Свист паровоза... *Едет князь.*
В стеклянном павильоне свита!..
И, саблю волоча сердито,
Выходит офицер, кичась, –
Не сомневаюсь – *это князь...*

И возвращается домой –
Конечно, в царство этикета,
Внушая тайный страх, *карета*
С мощами фрейлины седой –
Что возвращается домой...

Рассмотренный в статье материал позволяет сделать ряд выводов.

На уровне коммуникативных блоков и целого текста Н.С. Гумилев, А.А. Ахматова и О.Э. Мандельштам нередко употребляют лексические регулятивные структуры, основанные на принципе синтаксического параллелизма как частном случае повтора. Данные структуры представляют собой те «слагаемые» художественно-словесной ткани, назначение которых – «особым образом, “сознательно” завладеть читательским вниманием, управлять им, непосредственно привлечь к себе читательский интерес» [Прозоров, 2006, с. 109].

Общим у поэтов-акмеистов являются: а) доминирование лексических регулятивных структур, основанных на неполном параллелизме как с контактными, так и дистантными расположением членов параллелей; б) частотность использования среди регулятивных структур, основанных на неполном параллелизме, такого вида, как регулятивные структуры с заменой одного или нескольких членов; в) отсутствие регулятивных структур, основанных на неполном параллелизме, с распространением.

Для поэтических текстов А.А. Ахматовой не характерны лексические регулятивные структуры с контактными расположением членов параллели.

У Н.С. Гумилева и О.Э. Мандельштама сходство в организации читательской деятельности на уровне блока высказываний проявляется в употреблении регулятивных структур, основанных на неполном параллелизме, с заменой в контактно расположенных параллелях лексических единиц, соотносимых с одним или несколькими элементами ситуации.

К идиостилевым особенностям Н.С. Гумилева следует отнести использование поэтом регулятивной структуры с контактными расположением параллелей, организованной по типу неполного параллелизма с усечением, а также комбинацию двух видов регулятивных структур: организованной по типу неполного параллелизма с усечением и основанной на неполном параллелизме с распространением.

В целом, выявленные типы и виды лексических регулятивных структур, основанных на стилистическом приеме синтаксического параллелизма, характерные для поэтических текстов Н.С. Гумилева, А.А. Ахматовой и О.Э. Мандельштама, отражают один из принципов поэтики акмеизма, заключающийся в способности представлять в одном тексте большое количество ситуаций.

Литература

- Ахматова А.А. Собр. соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 1.
Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

- Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск, 1992.
- Болотнова Н.С. О теории регулятивности художественного текста // *Stylistyka. Opole*, 1998. Вып. VII. С. 179–188.
- Гумилев Н.С. Сочинения: В 3 т. М., 1991. Т. 1. Стихотворения. Поэмы; Т. 3: Письма о русской поэзии.
- Зарубина Н.Д. Языковые сигналы структуры связного текста и их использование в смысловом восприятии // *Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации)*. М., 1976. С. 79–83.
- Кристалль С.Ю. Текстовое ассоциативное поле в поэтическом дискурсе акмеизма (на примере макрополя «творчество»): Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.
- Кузнецов И.В. Источники художественного смысла: от автора к читателю // *Понимание в коммуникации*. 2007: Язык. Человек. Концепция. Текст: Тезисы докладов Международной научной конференции (28 февраля – 1 марта 2007 г.). М., 2007. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.srgcc.msu.su/unipersona/site/conf/conf_07/thesis-07.htm (дата обращения: 15.06.2011).
- Мандельштам О.Э. Сочинения: в 2 т. М., 1990. Т. 1: Стихотворения; Т. 2: Проза.
- Петрова Н.Г. Типы лексических регулятивных структур в поэзии К. Бальмонта // *Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки (Филология)*. Вып. 6. Томск, 1998. С. 23–29.
- Петрова Н.Г. К вопросу о статусе лексического повтора в поэтическом дискурсе с позиций теории регулятивности // *Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. Вып. 6. Сер.: Гуманитарные науки (Филология)*. Томск, 2010. С. 39–45.
- Прозоров В.В. Художественный текст и читательское восприятие (к теории вопроса) // *Науч. докл. высш. шк.: Филологические науки*. 1978. № 1. С. 11–17.
- Прозоров В.В. Читатель и литературный процесс // *Введение в литературоведение. Хрестоматия: Учеб. пособие / Сост.: П.А. Николаев, Е.Г. Руднева, В.Е. Хализев, Л.В. Чернец, А.Я. Эсалнек, Е.А. Цурганова; Под ред. П.А. Николаева, А.Я. Эсалнек*. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 108–109. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/library.php?view=d&course=3&raz=6&pod=1&par=11> (дата обращения: 10.06.2011).
- Тырышкина Е.В. Русская литература 1890-х – начала 1920-х годов: от декаданса к авангарду. Новосибирск, 2002.